

А. З. ЖАВОРОНКОВ,
доцент, кандидат филологических наук

К ИСТОРИИ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Попытка прояснить в статье два связанных между собой вопроса — о месте и времени возникновения замысла «Евгения Онегина» и о прообразах персонажей романа — вызвана тем, что до сих пор хронологические рамки творческой истории первого русского реалистического романа определяются неточно. В книгах о Пушкине и в учебниках по русской литературе возникновение замысла и начало работы над ним* отнесены к маю 1823 г.

«Роман был задуман в Кишиневе 9 мая 1823 г.» — пишет А. Цейтлин¹. «Онегин» (глава первая) был начат весной 1823 года в Кишиневе, закончен осенью 1831 года» — говорится в другом учебнике². Эта же дата приводится у М. А. Цявловского в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» и в других книгах о поэте. Более того, некоторые исследователи пользуются традиционным представлением о хронологии романа в качестве одного из важнейших аргументов для опровержения всяких попыток найти следы первоначального замысла «Онегина» в более ранних произведениях Пушкина. Так видный пушкиновед Б. В. Томашевский, отвергая предположение о связи замыслов «Тавриды» и «Онегина», ссылается на хронологию романа:

«Не следует забывать, — пишет он, — что «Евгений Онегин» начат в мае 1823 года, т. е. через год, и, следовательно, наброски 1822 года нельзя рассматривать как части произведения, которое еще не было задумано» (подчеркн. нами—А. Ж.)³.

¹ А. Цейтлин, «Русская литература первой половины XIX века». Учпедгиз, 1940, стр. 173.

² А. Гукасова, А. Н. Дубовиков, А. А. Озерова, «Русская литература XIX века». Учпедгиз, 1938, стр. 38.

³ Б. В. Томашевский, «Таврида» Пушкина». Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 16, 1949, стр. 105.

Решающим доводом в пользу принятия даты 9 мая 1823 года как отправного момента для творческой истории романа является упоминание о нем в письмах автора к его друзьям и план полного издания «Онегина», найденный в черновиках А. С. Пушкина и опубликованный П. Анненковым. Под планом следовало «Примечание: Кишинев 1823 г. 9 мая Болдино 1830 г. 25 сентября» и ниже, под чертой, подводился предварительный итог работы над романом: «7 лет 4 месяца, 17 дней».

Эта запись и была принята за основу хронологии романа, хотя она далеко не точно отражала всю историю творческой работы над ним¹. И после этой записи, представляющей всего лишь черновой набросок плана первого издания «Онегина», после стихотворения «Труд» («Миг вождеденный настал» — 1830), работа Пушкина над романом не прекратилась вплоть до его первого издания (1833 г.). Поэтому намеченный в плане порядок издания нельзя принять без оговорок. План издания и письма поэта устанавливали лишь начало практического осуществления гениального замысла. Однако нигде — ни в плане, ни в письмах — Пушкин не говорит, что роман был задуман 9 мая 1823 г. в Кишиневе, в день начала работы над ним. Подготовительный период, период возникновения и вынашивания замысла, не нашел отражения в плане издания, хотя такой период должен был быть, и, безусловно, был.

Первые строфы «Онегина» Пушкин, видимо, написал в мае 1823 г. в Кишиневе, но замысел «Онегина», несомненно, зародился у Пушкина значительно раньше.

В письме к Н. Б. Голицыну от 10 ноября 1836 года из Петербурга в Крым Пушкин пишет (на французском языке): «Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо Ваше разбудило во мне множество воспоминаний вся-

¹ Расхождение между планом издания и действительным процессом работы над романом хорошо выяснены Б. В. Томашевским в комментариях к VI тому академического издания сочинений А. С. Пушкина. Пушкин в плане придал главам хронологическую последовательность, какой она не имеет в рукописях. «Сличая последние с печатным текстом, мы видим, что все песни пополняются одна другой: строфы 1825 г. переходят в строфы 1826 г. и т. п.» (т. VI, 1937, стр. 221). «Даже время окончания „Онегина“, показанное Пушкиным в Болдине 1830 года, не совсем точно: он дополнял или, может быть, переправлял последнюю главу „Онегина“ еще в 1831 г. в Царском Селе. Письмо Онегина к Татьяне помечено в рукописи: 5 октября, 1831 г.» (т. 6, стр. 222).

кого рода. Там колыбель моего Онегина: и вы, конечно, узнали некоторых лиц» (подчеркнуто нами — А. Ж.)¹.

Это признание А. С. Пушкина проливает свет на место и время зарождения замысла «Онегина», на начало колыбельного периода в его творческой истории. Этот период, период пробуждения и становления гениального замысла, падает на 1820—1823 гг., на годы революционного подъема в стране и бурного идейно-творческого роста поэта. В первых главах романа отразились значительные сдвиги в сознании и психологии дворянской молодежи 10—20 годов, запечатлелись также следы тех резких неповторимых переживаний и раздумий, которые принесла Пушкину его совместная с Раевскими поездка на Кавказ и в Крым летом 1820 года.

Живописный Кавказ, Крым с его удивительным климатом, семейство радушных Раевских, полная свобода — все эти благоприятные обстоятельства недолгой жизни Пушкина на Кавказе и в Крыму резко контрастировали с жизнью в столичном дворянском свете и принесли поэту ощутимый приток ярких свежих впечатлений, небывалый прилив творческой энергии, и пробудили в нем множество художественных замыслов и среди них замысел «Онегина»².

Спустя несколько месяцев после окончания «Кавказского пленника» Пушкин сообщает А. А. Дельвигу: «...у меня в голове бродят еще поэмы, но ...ничего не пишу»³.

Изгнанный весной 1820 г. из Петербурга на юг, поэт пережил глубокое разочарование в дворянском свете и, естественно, порывался воплотить в стихах хорошо знакомое ему и общее для значительной части дворянской молодежи на-

¹ А. С. Пушкин, т. 10, изд. Акад. наук СССР, 1949, стр. 869. Все выдержки из Пушкина, за исключением некоторых, приводятся по этому академическому изданию.

² О золотой поре своей жизни в Крыму Пушкин рассказывал брату: „Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою;нисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без пред-рассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привя-жет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери—предель, старшая—женщина необыкновенная. Судя; был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался...—горы, сады, море; друг мой, любимая надежда—увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского“, (24 сентября 1820 года, том 10, стр. 19.).

³ Том 10, 1949, стр. 25.

строение. Глубокие критические размышления над судьбой молодого человека в дворянском столичном обществе, где недавно вращался сам поэт, искали выхода в эпических жанрах, толкали на поиски больших поэтических форм («Кавказский пленник», «Цыганы», «Евгений Онегин»).

Замысел «Онегина» рождался по свежим следам петербургских впечатлений и переживаний. С упоминанием Пушкина о возникновении замысла романа в 1820 г. согласуется авторское замечание об отнесении картин светской жизни в первой главе к концу 1819 г. Темой первой главы, по определению Пушкина, является «Описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 г.»¹.

Необыкновенная яркость и непосредственность переданных в 1-й главе петербургских впечатлений свидетельствуют о том, что замысел романа начал вынашиваться еще в ту пору, когда эти впечатления были еще очень свежи, т. е. тогда, когда поэтом делалась первая серьезная попытка изобразить в «Кавказском пленнике» современного человека.

Нет сомнения в том, что образ Онегина стоит в генетической связи с героями романтических поэм «Кавказский пленник» и «Цыганы».

При всем принципиальном различии методов обрисовки героев «Кавказского пленника» и «Онегина», в этих произведениях есть то общее, что связывает их между собой. Связь между поэмой и первыми главами романа проявляется в общем колорите «веселости», лежащем на этих произведениях, в сходстве, в однотипности основных героев.

В предисловии к 1-й главе Пушкин подчеркивает общность творческой, в основном благоприятной атмосферы, в которой создавались его поэмы начала 20 годов:

«Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств», первые песни или главы романа «носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора «Руслана и Людмилы», а в черновой рукописи предисловия среди произведений, несущих на себе отпечаток веселости, поставлена поэма «Кавказский пленник», но здесь наряду со сходством обстоятельств, в которых осуществлялся замысел «Кавказского пленника» и подготавливалась первая глава, автор отмечает остро сатирическую направленность первых глав «Онегина» в отличие от приподнято-романтической поэмы о пленнике:

¹ А. С. Пушкин, Соч., т. 6, изд. Акад. наук СССР, 1937, стр. 638.

«Несколько песен готовы. Писанные повидимому под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения Авт/ора Кав/казского/ Пл/енника/. 1-я песнь Евг/ения Онегина представляет нечто целое. Она в себе заключает сатирическое описание Пет/ербургской/ жизни молодого русского дворянина в конце 1819 г.»¹.

Сам Пушкин ставил образы Кавказского пленника и Евгения Онегина в прямую зависимость и связь:

«Дальновидные критики, — писал Пушкин в предисловии к 1-й главе, — заметят, конечно, недостаток плана... Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на кавказского пленника» (подчеркнуто нами—А. Ж.)².

«Отличительные черты молодежи XIX века» (равнодушие к жизни и ее наслаждениям, преждевременная старость души), которые Пушкин хотел показать в образе Кавказского пленника, характеризуют и образ Евгения Онегина, хотя в отличие от героя первой романтической поэмы Пушкина (1820—1821 гг.) родственный ему характер молодого человека, разочаровавшегося в дворянском свете, получил в романе всестороннее освещение и полную социально-психологическую мотивировку. Общая задача у автора «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина» в его начальный период состояла в том, чтобы показать тип «молодого дворянина»³.

Но принципы решения этой задачи оказались различными. По признанию самого Пушкина, образ Кавказского пленника явился неудачной попыткой изобразить общий, родовый характер современника.

Эта неудача объяснялась тем, что Пушкин в «Кавказском пленнике» не преодолел субъективно-романтического подхода к герою и в положение героя подставлял самого себя:

«Я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил два месяца»⁴, в «Кавказском пленнике» «Вы ожидали многого... найдете малое, очень малое»⁵ и в другом письме Пушкин говорит о своей неудовлетворенности образом героя поэмы еще более резко: «Характер Пленника неудачен: доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения»⁶. После «Кавказского пленника» оставалась

¹ А. С. Пушкин, т. 6, изд. Акад. наук СССР, 1937, стр. 527.

² А. С. Пушкин, Соч., т. 6, стр. 638.

³ Слова из черновика А. С. Пушкина, т. 6, 1937 г.

⁴ А. С. Пушкин, Соч., т. 10, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ Там же, стр. 49.

мерешенной задача «изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века»¹.

Выдвинутая Пушкиным проблема показа типического характера могла быть решена только с иных, реалистических позиций. На реалистической трактовке «антипоэтического характера главного лица» романа «Евгений Онегин», несомненно, сказался новый взгляд поэта на личность человека. К этому взгляду, к заключению о развитии человеческого общества по законам исторической необходимости и о зависимости развития личности от объективных факторов (социальное окружение, воспитание) Пушкин начал приходить приблизительно с середины 1822 года — начала 1823 г. в процессе глубоких раздумий о перспективах революционного движения на Западе и в России. По существу поэма «Кавказский пленник» была первым серьезным подступом к овладению темой «Евгения Онегина», первой попыткой показать «молодого русского дворянина».

Роман «Евгений Онегин» соприкасается с южными поэмами не только многими темами и мотивами (основной образ, тема неразделенной любви, воспоминания о прошедшей молодости и т. п.), но и сильно выраженным в нем лирическим началом.

«Повествование в «Евгении Онегине» лирическое; автор играет в нем первую и ведущую роль, он не только рассказывает, но и произносит свой приговор, свои оценки изображаемому»².

Являясь по форме переходным от романтизма к реализму произведением, роман в стихах «Евгений Онегин» пронизан субъективно-лирическим элементом, придающим всему объективно-точному изображению действительности особую прелесть и выразительность. Примененные в южных поэмах приемы экспрессивно-лирического стиля, приемы самовыражения не были отброшены автором «Евгения Онегина», а были широко использованы в лирических отступлениях романа. Более того, высокая романтика не исчезла из «Евгения Онегина», она вошла составной частью в формировавшийся реализм Пушкина. Многие эпизоды и лирические отступления автора «Онегина» отражают взволнованность мечты, романтическую

¹ А. С. Пушкин, Соч., т. 10, стр. 49.

² История русской литературы, т. 6, под редакцией Д. Д. Благого, Б. П. Городецкого, Б. С. Мейлаха (главного редактора), изд. Акад. наук СССР, 1953, стр. 243.

устремленность в будущее (Письмо Татьяны к Онегину, размышления о посмертной жизни поэта — глава IV, строфы XXXIX, XL о будущей промышленной, процветающей России — глава VII, строфа XXXIII «Когда благому просвещенью»... и др).

Лирический голос поэта не умолкает в романе ни на минуту и вместе с тем не только не мешает, но способствует правдивому изображению образов и картин. Роман в стихах «является не только «энциклопедией русской жизни», но одновременно — лирической энциклопедией жизни автора». «Онегин» есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, — писал Белинский, — и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотой, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся его жизнь, вся душа, вся любовь его: здесь его чувства, понятия, идеалы. Оценить такое произведение, значит — оценить самого поэта во всем объеме его творческой деятельности¹.

Отпечаток личности поэта ощущается в каждой главе, в каждой строфе, в каждом стихе романа. Связь стиля «Онегина», местами романтически окрашенного, с южными поэмами обнаруживается в сходстве речевой манеры лирических отступлений романа и поэм, в совпадении и созвучии отдельных онегинских строф со строфами романтических стихотворений и поэм.

Давно уже исследователями замечена связь строф романа с «Тавридой», давно «Таврида» рассматривается в соприкосновении с лирической темой романа.

Если даже находящаяся в черновике «Тавриды» «онегинская строфа», вошедшая в первую главу романа под XXXIII строфой («Я помню море пред грозой»), и была вписана в тетрадь в 1824 г., то все равно от «Тавриды» к «Онегину» тянется много общих нитей.

М. Л. Гофман, относя, может быть, поспешно XXXIII онегинскую строфу к 1822 г., вместе с тем справедливо подчеркивает глубокую связь лирических тем романа с основными мотивами «Тавриды». Не в XXXIII строфе «заключается существенная связь между «Онегиным» и «Тавридой», не в этой внешней детали. Гораздо важнее связь лирических романов или, вернее, на первых порах, — романов в стихах».

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, 1948. Т. 3, стр. 346.

В «Тавриде» затронут обширный комплекс тем и мотивов (бессмертие, минувшие страсти, наступающая после них тишина и ясность, природа, воспоминания о молодости и мн. др.)¹.

Причем, в сохранившихся отрывках «Тавриды» намечалось типично романтическое освещение затронутых тем и мотивов. Профессор Б. В. Томашевский по этому поводу совершенно верно замечает: «В «Тавриде» связаны воедино главные лирические темы романтического периода. Этим и интересен этот замысел. И существенно здесь не то, что в одном произведении присутствует столько тем, а то, что они здесь взаимообуслов-

¹) „Таврида“ Пушкина до сих пор остается предметом полемики. О жанровой природе, о связи „Тавриды“ с другими произведениями, в частности с „Евгением Онегиным“ о предмете Гурзуфской любви поэта высказывались самые разнообразные суждения.

М. Л. Гофман считал „Тавриду“, начатую в апреле 1822 г., интимно-лирическим произведением: „Как можно судить по наброскам, содержание „Тавриды“ должно было быть лирическим—заключать в себе ту святую сердца, которую Пушкин лелеял и которая была связана с Гурзуфом: в „Тавриде“ должны были отразиться крымские воспоминания и впечатления, семья Раевских, святыня Пушкина, оберегаемая от посторонних взглядов—Мария Николаевна Раевская, крымская природа, море“. (М. Л. Гофман в кн. Пушкин: „Евгений Онегин“. Народная библиотека, 1919, стр. 10).

Структуру онегинской строфы М. Л. Гофман возводил к начальной строфе „Тавриды“, вошедшей в первую главу романа под XXXIII строфой („Я помню море пред грозой“).

Г. О. Винокур отказывается видеть в отрывках „Тавриды“ какие-либо следы онегинской строфы. По его мнению, отрывок „За нею по наклону гор“ был переделан в XXXIII строфу первой главы романа в 1824 г. и тогда же вписан в тетрадь, где находились отрывки „Тавриды“ (см. Г. О. Винокур „Слово и стих в „Евгении Онегине“—Пушкин, „Труды Мифиила“, 1941, стр. 159).

Н. Фридман видит в „Тавриде“ начало романтической поэмы с любовным сюжетом. „Сюда вошли бы эмоции, возникавшие в связи с воспоминаниями о семье Раевских, в особенности о М. Н. Раевской“ (Н. Фридман, LIX—LX строфы первой главы „Евгения Онегина“—Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1947, № 3, стр. 76—79).

Б. В. Томашевский относит „Тавриду“ к жанру элегии. Связь онегинской строфы с начальной строфой из тетради „Таврида“ им решительно отвергается. Эта начальная строфа, ставшая XXXIII строфой I главы романа, была вписана в тетрадь позднее, в 1824 г. „Одна фантазия руководила исследователями. Много мешало пониманию „Тавриды“ наличие строфической формулы „Евгения Онегина“ под эпиграфом“.

(Б. В. Томашевский: „Таврида“ Пушкина“. Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук, выпуск 16, 1949, стр. 117). Казалось бы, ставшее традиционным мнение о связи образа утаенной гурзуфской любви Пушкина с именем М. Н. Раевской в статье Б. В. Томашевского подвергнуто остроумной критике.

лены, раскрыты в их внутренней связи, в их лирическом взаимоотношении»¹.

Но далее исследователь, принимающий «Тавриду» всего лишь за начало элегии, почему-то предполагает, что «если бы Пушкин довел свой замысел до конца и придал ему законченную форму, «Таврида» была бы одним из самых замечательных произведений южного периода. Но это не произошло, потому что Пушкин не довел работу до конца и распорядился материалом иначе»².

Вряд ли Пушкин собирался продолжать «Тавриду» до конца. Весь сложный комплекс тем и вопросов, волновавших автора «Тавриды», требовал иных творческих принципов, толкал поэта на путь выработки объективно-точного восприятия и отрицания человеческой жизни во всей ее сложности и противоречивости. Отказ Пушкина от продолжения «Тавриды» можно объяснить, во-первых, началом пересмотра романтической точки зрения на посмертную жизнь человека, во-вторых, нежеланием автора посвящать в тайны своей любви и разглашать свгтыню сердца:

«Опомнись! Долго ль узник томный,
Тебе оковы лобызать —
И в сердце лирою нескромной
Свое безумство разглашать?».

(«Бахчисарайский фонтан»)³.

Как бы там ни было, работа над «Тавридой» оборвалась, но замысел ее не пропал бесследно, поставленные в ней вопросы не остались без ответа.

Осуществление замысла «Тавриды» могло произойти и произошло не на романтической, а на реалистической основе, не в узко-личном и элегическом плане, а в объективно-реалистическом стихотворном романе, и не на материале личной жизни поэта, а на широком фоне социальной действительности.

Темы «Тавриды», навеянные исключительно личными переживаниями поэта, перешли в роман и получили в нем реалистическую трактовку. Даже неразделенная, несчастная любовь поэта (одна из главных тем «Тавриды») была поднята в романе на уровень глубочайших обобщений и осмыслена как

¹ Б. В. Томашевский, «Таврида» Пушкина». Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 16, 1949, стр. 116.

² Б. В. Томашевский, «Таврида» Пушкина». Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, выпуск 16, 1949, стр. 116.

³ Стихотворные тексты Пушкина приводятся по академическому изд., 1949.

частный случай господствующей в дворянском обществе закономерности.

Наибольшее число тем, образов и стихов (в переработанном виде) было перенесено в «Евгений Онегин». Уже замечено, что отдельные строфы романа (гл. I, строфы 33, 59, 60) восходят своим содержанием и образами к отрывкам «Тавриды».

Отмечалось также сходство строф о могиле В. Ленского (гл. VII, стр. 11) с элегией «Надеждой сладостной дыша», а через нее со стихами о бессмертии в «Тавриде». Нам хотелось бы обратить еще внимание на общность проблемы бессмертия в «Тавриде» и в романе (гл. II, строфы 39—40) и на различие их решения. В «Тавриде» на поставленный вопрос о посмертном бытии человека определенного ответа не дается, решение этого вопроса тонет в сомнениях и туманных догадках:

«Конечно, дух бессмертен мой,
Но, улётеть в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной?
Ужели там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутной жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску, любовь забуду я?
Любви! Но что же за могилой
Переживет еще меня?»

(«Таврида»).

В «Онегине» все сомнения относительно личного бессмертия человека рассеиваются: личного бессмертия нет и быть не может; бессмертна жизнь человечества и поэтому только благородные дела и деяния приносят человеку бессмертие в памяти поколений:

Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить,
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал

Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.
И чье нибудь он сердце тронет;
И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной.

(гл. II, строфы 39—40).

Значение «Тавриды» для работы Пушкина над первыми главами романа основывается не только на общей интимно-лирической теме, связанной с крымскими впечатлениями и переживаниями, воспоминаниями о семье Раевских, о святых сердца Пушкина. «Таврида», распадающаяся на относительно самостоятельные, хотя и неоднотипные строфические куски, приблизила решение Пушкина написать строфическую поэму-роман. До этого строфическое деление поэм Пушкина отсутствовало. Между тем принцип строфичности нес в поэму много выгод и преимуществ, позволял вводить различные темы и различные лирические отступления, связанные с общим замыслом. Помимо данных о связи «Евгения Онегина» с южно-романтическими поэмами Пушкина, наше предположение о возникновении замысла «Онегина» в 1820 году подтверждается прозрачным намеком Пушкина на некоторых хорошо знакомых ему по Крыму лиц, запечатленных в романе («Там колыбель моего Онегина: и вы, конечно, узнали некоторых лиц»).

Среди лиц, на которых намекает Пушкин, были, несомненно, его друзья и знакомые из семьи Н. Раевского, к которым многие исследователи возводили отдельные образы романа. Бесспорно то, что отдельные образы «Онегина» восходят к крымским впечатлениям автора, к его знакомым из окружения Раевских. И это не случайно. Жизнь Пушкина в семейно-домашней обстановке Раевских приблизила его вплотную к колоритным и сложным человеческим характерам, позволила открыть их сокровенные тайны и тем самым дала богатейший материал для создания ярких правдивых образов психологической лирики и социально-психологического романа. Никогда еще жизнь не предоставляла поэту такую счастливую возможность, и он, естественно, не упустил ее.

Резкие, глубоко отличительные характеры Раевских дали мощный толчок поэтическому воображению Пушкина и послужили отправным пунктом к рождению и становлению поэмы-романа о современной жизни. А то, что персонажи романа

восходят к конкретно-реальным лицам, автор не скрывает от читателей. О существовании прообраза для «милого идеала Татьяны» он прямо говорит в заключительной строфе:

А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...

О много, много, рок отъял!

А в белой рукописи этот намек касается и других героев романа:

А те, с которых образован...

О много, много рок умчал¹.

Среди запечатленных в романе лиц Б. Н. Голицын и другие современники Пушкина могли видеть Александра, Марию, Екатерину Раевских.

Черты Александра Раевского угадывались в образе главного героя. В личности А. Н. Раевского Пушкин нашел те резкие черты, которые в общей сложности составляли противоречивый характер онегинского склада. А. Н. Раевский, как и Онегин, принадлежал к умным, критически настроенным, насмешливым людям, глубочайшим скептикам и циникам, способным только отвергать, ничего взамен не предлагая. Это был раздражающе-рассудочный, черствый эгоист, беспринципный, лишенный какого-либо поэтического чувства. Его «холодным и себялюбивым сердцем» поражались даже близкие и родные. Отец А. Н. Раевского писал о нем своей старшей дочери в 1820 г:

«С Александром живу я в мире, но как он холоден! Я ищу в нем проявления любви, чувствительности, и не нахожу их. Он не рассуждает, а спорит, и чем более он не прав, тем его тон становится неприятнее, даже до грубости... У него ум наизнанку; он философствует о вещах, которых не понимает, и так мудрит, что всякий смысл испаряется. То же самое с чувством: он очень любит Николашку² и беспрестанно его целует, но он также любил и целовал собаку Аттилу. Он не верит в любовь, так как сам ее не испытывает и не старается внушить. Он равнодушно принимает все, что бы я ни делал для него»³.

Подобно Евгению Онегину Александр Раевский равнодушно взирал как на свои добрые, так и на дурные поступки. К характеру А. Раевского можно было без всяких оговорок отнести предпосланный роману эпиграф, раскрывающий жизненную позицию Евгения Онегина:

¹ Т. 6, 1937, стр. 636.

² Ребенок—черкес, привезенный Александром Раевским с Кавказа.

³ Цит. по кн. В. Вересаева «Спутники Пушкина», М., 1934, стр. 249.

«Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках—следствие чувства превосходства, быть может мнимого»¹.

Связь образа Онегина с личностью А. Раевского устанавливается также на основе созвучия между стихотворением «Демон» (1823) и некоторыми местами характеристики Евгения Онегина. Несмотря на то, что Пушкин возражал против узко-биографического подхода в трактовке образа Демона из своего одноименного стихотворения, все же отголоски бесед и споров поэта и А. Раевского в «Демоне» очевидны. Такие стихи и сочетания из этого стихотворения, как «Его язвительные речи», «хладный яд», «на жизнь насмешливо глядел» варьируются в таких выражениях романа (гл. 1., строфы XLV — XLVI), как «И резкий охлажденный ум. Я был озлоблен, он угрюм», «но я привык к его язвительному спору... и злости мрачных эпиграмм». Это созвучие в характеристике Демона и Онегина восходило к общему источнику — к беседам и спорам между Пушкиным и А. Раевским.

Образ Онегина в воображении Пушкина ассоциировался с образом Демона. Об этом свидетельствует не только общность жизненной позиции Демона и Онегина, не только внутреннее сходство между ними, общность отношения к ним автора, но и прямые указания на однотипность характера Демона и Онегина (см. гл. 8, строфу XII).

В черновике «Путешествия Онегина» Пушкин прямо называет своего героя Демоном:

Несносно, согласитесь в том
Между людей благоразумных
Прослыть придворным чудачком
Каким-то квакером, массоном
Иль доморощенным Байроном
Иль даже Демоном моим
Онегин — вновь займуся им!²

«Дух отрицанья», «дух сомненья», пронизывающий речи демона, его рассудочная трезвость, не мирившаяся с напыщенно-фальшивой романтикой, были полезны Пушкину, особенно полезны в первые годы созревания и осуществления гениального замысла.

«С самого начала в романе ощущается критическое отношение автора к герою. Но его основные исходные черты под-

¹ Т. 6, 1937, стр. 662.

² Т. 6, стр. 495.

вергаются от главы к главе существенной переоценке в соответствии с общей творческой эволюцией Пушкина. В первой главе черты разочарования и охлаждения, намеченные в Онегине, окружены тем же ореолом, что и черты «Демона» в одноименном стихотворении (недаром в первых редакциях строки «Демона» и «Онегина» перемежались)¹. Автор предупреждает читателей от попыток отождествления своего характера с Онегиным:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной.

Испытав действие охлажденного и скептического ума Демона и его двойника А. Раевского, Пушкин скоро возвысился над характером А. Раевского и в дальнейшем, видимо, интересовался «коварным другом»² исключительно с художественной целью.

Показательно, что возобновление после длительного перерыва частых встреч поэта с А. Раевским относится к той поре, когда развернулась напряженная работа Пушкина над образом гордого и равнодушного ко всему Евгения Онегина. Из крымских воспоминаний Пушкина в «Путешествии Онегина» мы узнаем о частых встречах поэта и его героя в Крыму. С момента этих встреч

Спустя три года вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

Я жил тогда в Одессе пыльной.

В истории взаимоотношений автора и Онегина, несомненно, нашла отражение история взаимоотношений поэта и А. Раевского. От поклонения и восхищения перед личностью А. Раевского до охлаждения и резкого осуждения — таков общий путь знакомства Пушкина с А. Раевским, таков же приблизительный путь знакомства автора с его героем.

О Евгении Онегине Пушкин пишет как о своем давнем и хорошем знакомом, сыгравшем важную роль в установлении критического взгляда поэта на дворянско-аристократическое общество:

¹ История русской литературы, т. 6 под редакцией Д. Д. Благого, Б. П. Городецкого и Б. С. Мейлаха (изд. Акад. наук СССР, 1953, стр. 252—253).

² Подобно тому как автор осудил коварство Онегина в эпизодах «ссора и дуэль», он в конфликте из-за Е. К. Воронцовой заклеил вероломство А. Раевского (см. стихотворение «Коварность»).

Условий света свергнув бремя,
Как он отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.

Если знакомство Пушкина с героем, как и знакомство Пушкина с А. Раевским, произошло еще в Петербурге незадолго перед отъездом на юг, — то подружился поэт с героем и его образом в то время, когда они, действительно, отстали от суеты петербургского света и находились уже на юге¹.

Вчитываясь в авторские лирические отступления, мы замечаем настойчивое стремление Пушкина убедить нас в реальности, в подлинности героя, в подлинности своих взаимоотношений с ним. Поэт как бы видит перед собой двойник героя, живое, действительно существовавшее лицо. Он беседует с ним, соглашается, возражает, судит за безнравственные поступки, выносит приговор.

Хотя каждый писатель-реалист старается заставить читателя поверить в подлинность изображаемого типа, однако вряд ли будет оправдано в глазах читателей сообщение автора о своих встречах и беседах с героем как с конкретно-реальной личностью, если под именем героя не подразумевается определенное лицо.

Можно со всей уверенностью полагать, что первым толчком к серьезным раздумьям поэта о странном и противоречивом характере онегинского типа явилось его близкое знакомство с А. Раевским в Крыму летом 1820 г. Вместе с тем мы далеки от одностороннего толкования реально-жизненных источников, из которых писателем берется материал для образов.

Евгений Онегин — ранний тип «лишнего человека» в литературе и, следовательно, не может быть сведен к одной, пусть даже весьма характерной, весьма типической и вместе с тем ярко индивидуальной личности. В признании Пушкина Б. Н. Голицыну выявлялась важнейшая особенность творческой работы поэта — восхождение от конкретных лиц и частных житейских фактов к широчайшим художественным типам и обобщениям.

Онегинство как социально-психологическое явление получило с 10—20 годов XIX века широкое распространение в дворянских кругах. Разочарованием и скепсисом были заражены многие люди, случайно примкнувшие к декабризму, и среди них С. И. Кривцов, Фаленберг и другие. Около декабристов

¹ См. 1 гл., строфы XLVII—XLVIII „Как часто летнею порою“.

вращались Н. М. Свербеев, М. В. Юзефович, П. П. Каверин. Скептицизм развился у П. Я. Чаадаева. Черты онегинства получили отражение в литературе. О прожигании жизни и эгоцентризме «золотой молодежи» пушкинского времени говорится в «Прогулке по Москве» Батюшкова, в записках Якова Толстого «Мое праздное время», в «Очерках московской жизни» П. Вистенгофа и в других записках

Онегин представляет собою широкий социально-психологический тип. В его образе воплотились многие характерные черты «золотой молодежи» 10—20 годов.

«Многие современники прямо узнавали в образе Онегина хорошо знакомых лиц — пишет Д. Д. Благой. — Одним из прототипов Онегина считали Чаадаева (вторым Чаадаевым называл своего героя и сам Пушкин), еще больше сходства находил в Онегине с одним из близких друзей поэта периода южной ссылки — прототипом стихотворения «Демон» Александром Раевским. Все это является лучшим доказательством замечательно достигнутой Пушкиным портретности. Но в то же время в этот метко индивидуализированный образ-портрет Пушкин сумел вобрать «сгустки» огромного запаса своих жизненных наблюдений над отдельными представителями современной ему «молодежи XIX века» и тем самым сумел придать этому образу-портрету исключительно широкое типическое значение»¹.

К крымским впечатлениям, к знакомству Пушкина с дочерьми Раевского восходят многие характерные черты героини романа и лирических отступлений Пушкина. О зависимости образа Татьяны от облика самой дорогой для поэта женщины, он откровенно писал в конце романа («А та, с которой образован Татьяны милый идеал»). Первоначальные представления Пушкина об «идеале гордой девы», несомненно возникали под неотразимым обаянием дочерей Раевского — Екатерины, Елены, Марии. С кого из них конкретно «образовывал» Пушкин свой любимый идеал — судить трудно в виду отсутствия прямых указаний. По этому вопросу высказывались самые разнообразные догадки и предположения².

¹ «История русской литературы XIX в.», кн. 1, 1951, Издательство ЛГУ, стр. 203.

² Недавно, казалось бы, ставшее уже традиционным мнение П. Е. Щеголева о связи образа утаенной любви Пушкина с личностью М. Н. Раевской-Волконской оказалось поколебленным в статье проф. Б. В. Томашевского «Таврида Пушкина» (Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, 16, 1949). Автор статьи опровергает версию о зависимости

Нас сейчас не может увлечь щекотливая тема гурзуфской святыни сердца поэта. Мы ее касаемся постольку, поскольку она укрепляет нашу уверенность в предположении о рождении замысла «Онегина» в 1820 г. Кто конкретно скрывается под образом самой дорогой женщины Пушкина — знать не столь существенно. — Важно одно: живые черты для воплощения своего идеала Пушкин находил в характерах дочерей Раевского, которыми он попеременно увлекался летом 1820 г.

Прежде всего, очень много внешнего и внутреннего сходства между М. Н. Раевской и пушкинской Татьяной, много общего в их драматической судьбе. Татьяна, как и М. Н. Раевская, в ранней юности не блистала внешностью:

Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей...

Отмечено сходством замужество М. Н. Раевской и замужество Татьяны. Юная Татьяна, пережив неудачу в любви, вынуждена была по настоянию матери и тетюшек выйти замуж за пожилого генерала: «для бедной Тани все были жребии равны». Она не любила мужа, но глубоко уважала его за заслуги перед Родиной («мой муж в сраженьях изувечен») и осталась ему верна.

Мария Раевская в январе 1825 года вышла по воле отца замуж за богатого и знатного, на 17 лет старше ее, генерала князя Сергея Волконского, деятельного участника декабристского движения. Любви к нему она не питала, знала его мало, когда ей стало известно о его принадлежности к декабристским кругам, она прониклась к нему глубоким уважением и вопреки желанию отца последовала за ссыльным мужем в Сибирь.

Если в ранней юности М. Н. Раевская, будучи богато одаренной натурой, все же еще не отличалась самостоятельностью и вела себя в духе морали беспрекословного повиновения, то со временем, особенно после декабрьской катастрофы, скрытые в ней богатые душевные силы и замечательные внутренние качества ее характера развернулись в полную меру.

Все, кто виделся с нею, восхищались ее личностью, пора-

образа героини «Тавриды» и XXXIII строфы I гл. «Онегина» от М. Н. Раевской, считая ее воспоминания неточными. По мнению исследователя, прообразом этого лирического цикла могла быть Екатерина Николаевна Раевская. Стихотворение «Увы, зачем она блистает» Б. В. Томашевский соотносит с личностью болезненной Елены Николаевны Раевской.

жались ее стойкостью и выдержкой. Декабрист А. Е. Рсзен вспоминал: «М. Н. Волконская, молодая, стройная, более высокого, чем среднего роста, брюнетка, с горящими глазами, с гордою, но плавною походкой!». Многие видели в ней исключительную женщину. Даже ее отец, генерал Н. Н. Раевский, возмущавшийся ее открытым разрывом с дворянским обществом и готовый проклясть ее за послушничество, перед своей смертью указал на ее портрет и с восхищением произнес:

«Вот самая удивительная женщина, которую я знал». В Татьяне, как и в Раевской, со временем развились положительные силы и качества ее характера.

В биографии самоотверженной М. Н. Раевской-Волконской и в истории внутренне сосредоточенной в себе Татьяны Лариной много сходных моментов, но дело, конечно, заключается не в том, чтобы подыскать как можно больше совпадений в их жизни и судьбе, хотя эти совпадения поразительны.

В М. Н. Раевской-Волконской Пушкин увидел средоточие лучших черт русской героической женщины и, естественно, свои впечатления от знакомства с этой «удивительной женщиной» перенес на свой лучший поэтический женский образ. В образе Татьяны нашли отражение такие замечательные черты любимой женщины поэта, как высокая поэтичность и гуманность, внутренняя цельность и стойкость, собранность воли, любовь ко всему возвышенному и прекрасному, преклонение перед героизмом человека — борца за справедливость. Не без влияния героического подвига жен декабристов и прежде всего подвига М. Н. Волконской вносились поэтом в образ Татьяны в заключительной 8-й главе и такие особенности, как нравственная одухотворенность поступков, презрение к дворянскому свету («ветоши маскарада»).

Татьяна выступает в романе героиней типа женщин-декабристок. Сильная и цельная натура, она, не колеблясь, пошла бы по пути декабристок на нравственно-героический подвиг, если бы ее побудили к этому жизненные обстоятельства. Воссоздавая ее пленительный образ в развитии, Пушкин оглядывался на живой чудесный образ милой женщины.

Последние стихи романа относятся в равной мере и к женщине, с которой автор «образовывал» свой «милый идеал», и к погибшим или «роком» разлученным с ним навсегда друзьям:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа

И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

В этих стихах содержатся явные намеки на необычные для светской женщины обстоятельства жизни, на разрыв М. Н. Раевской с дворянским светом в связи с твердым решением ехать к мужу в далекий край. Именно она была одним из тех людей, «кто праздник жизни рано оставил», «не допив до дна бокала полного вина», кто во имя высокой нравственной цели «умел расстаться» с недочитанным романом светской жизни и сознательно, бесповоротно оборвал все связи с ненавистным светским обществом.

Более определенно писать о Марии Волконской, презревшей высший свет, Пушкин не мог, и по цензурно-политическим соображениям, и по мотивам личного порядка. Во всех стихах, посвященных М. Раевской-Волконской, поэт благоговейно хранил тайну своей самой сильной любви и ревниво оберегал от посторонних глаз имя дорогой и любимой женщины.

При чтении стихов о той, «с которой образован Татьяна милый идеал» невольно припоминается «Посвящение к поэме «Полтава» (4. XI. 1828 г.):

И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Между заключительными стихами романа и «Посвящением» ощущается глубокая внутренняя связь. В стихах о прототипе Татьяны и в «Посвящении» мыслится один и тот же образ, образ последовавшей за мужем в Сибирь М. Н. Волконской, недоступный для взоров поэта, отъятый роком, отделенный от него многотысячеверстным расстоянием (печальной пустыней); и там и здесь передавалось одно и то же щемящее скорбное чувство поэта — чувство глубокого сожаления о недостижимой, но попрежнему беззаветно любимой женщине.

При всем неоспоримом влиянии личности М. Н. Раевской-Волконской на образ «милрой Тани» Пушкин в работе над ним испытал также сильное воздействие со стороны старших дочерей Раевского. То, что поэт, воссоздавая свой «милый идеал», оглядывался на образ М. Н. Раевской, — показательно для последних этапов творческой истории романа, когда богатые духовные силы этой женщины развернулись полностью и когда чувство влюбленности поэта к ней переросло в неодолимую

любовь. В момент зарождения замысла романа (1820—21 гг.) М. Н. Раевская была 15—16-летним подростком и не обладала всеми теми качествами, которыми характеризуется Татьяна в первых главах романа, не могла она также быть в это время святыней сердца поэта, в виду того, что он в своих симпатиях отдавал предпочтение старшим дочерям и прежде всего самой старшей из них Екатерине Николаевне¹. Именно ее Пушкин выделял за необыкновенные качества:

«Все его (т. е. ген. Раевского — А. Ж.) дочери прелесть,— писал Пушкин — старшая — женщина необыкновенная². (Подчеркнуто нами — А. Ж.).

С этой аттестацией вполне согласуется высказывание Пушкина о ней в письме к А. Бестужеву в июне 1824 г.: «...Одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики»³. Этому высокому мнению о замечательной эстетической зоркости Екатерины Николаевны созвучны также стихи из «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824 г.):

Она одна бы разумела
Стихи неясные мои,
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.

Как ни заманчиво предположение о едином цельном образе утаенной любви поэта, возводимом к М. Н. Раевской, в жизни поэта его чувства и отношения к дочерям Раевского были гораздо более сложными.

Не менее сильны были у него в эти годы чувства к Елене Николаевне, чувства обожания и поклонения. Если в элегии «Редает облаков летучая гряда» явно мыслится образ Екатерины Николаевны, то в стихах «Увы, зачем она блистает» говорится об увядающей Елене Раевской, о ней же вспоминает поэт в предпоследнем отрывке «Бахчисарайского фонтана»

¹ Возражения Б. В. Томашевского против попытки сводить прообраз гурзуфской любви к личности М. Н. Раевской вполне резонны и подкрепляются остроумным сравнительным анализом (см. статью Б. В. Томашевского „Таврида“ Пушкина“ (Ученые записки ЛГУ, 16, 1949), Б. В. Томашевский убедительно доказывает, что под образом лирической героини стихотворения „Редает облаков летучая гряда“ скрывается Ек. Ник. Раевская, а в стихотворении „Увы, зачем она блистает“ речь идет о больной Елене Николаевне.

² Т. 10, 1949, стр. 19.

³ Там же, стр. 94.

«Я помню столь же милый взгляд и красоту еще земную» (подчеркнуто нами — А. Ж.).

На первой стадии обдумывания образа Татьяны решающее значение имели воспоминания поэта о старших дочерях Раевского, особенно о Екатерине Николаевне. Эти воспоминания, несомненно, отложились на образе героини лирических отступлений и романа. Отправным пунктом в работе над образом старшей дочери Лариных могла быть личность «необыкновенной женщины», т. е. Екатерины Николаевны Раевской. Со временем образ героини принял много новых наслоений, связанных с воспоминаниями поэта и о необычайной судьбе М. Н. Раевской и о своей тайной любви к ней.

Нет сомнения в том, что дочери Раевского, особенно Екатерина Николаевна на раннем этапе истории замысла, и Мария Николаевна на поздних этапах, сообщили много ярких привлекательных черт самобытному характеру пушкинской героини, что проявившиеся в них великолепные качества русского национального женского характера передались Татьяне. Вместе с тем, повторяем снова, нельзя сводить художественный тип к одной личности, нельзя сводить тип передовой русской женщины, воплощенный в образе Татьяны, к одному прототипу или нескольким конкретным лицам, пусть даже самым ярким и характерным. В становлении и развитии характера Татьяны Пушкин закономерно отвел решающую роль народному фактору. Согласно методу художественной типизации, основывающемуся на умелом отборе характерных жизненных деталей и фактов из множества наблюдений и впечатлений писателя, типический образ намного шире прообраза, и, следовательно, образ Татьяны не представляет собой портретного снимка с одного или нескольких лиц, а является многосторонним собирательным литературным типом. Нам важно было не столько разгадать прообразы Онегина и Татьяны, сколько остановиться на проблеме прототипов романа с целью получения дополнительной аргументации в пользу нашего предположения о рождении замысла «Онегина» в окружении Раевских.

В достоверности предположения о подготовительном периоде в развитии замысла «Онегина» нас убеждает также творческий опыт писателей. Сама логика и психология творческой работы над большим произведением предполагают наличие определенного подготовительного момента или периода между возникновением и практическим осуществлением замысла. Этот общий творческий процесс дает себя знать в литературной деятельности Гоголя («Ревизор», «Мертвые души»),

Л. Толстого («Война и мир»), Гончарова («Обломов», «Обрыв») и в творчестве Пушкина («Кавказский пленник», «Капитанская дочка», «Цыганы»). Этот важнейший закон проявляется во всех крупных замыслах Пушкина южного периода. Вспомним его слова из письма А. А. Дельвигу (23. II. 1821 г.): «...у меня в голове бродят еще поэмы, но... ничего не пишу». Роман же «Евгений Онегин» тем более требовал предварительной тщательной подготовки, обдумывания. Поэтому нельзя согласиться с тем, что роман задуман и начат одновременно.

Трудно, пожалуй, невозможно представить себе конкретный путь развития возникшего в 1820 г. замысла «Онегина» до первой главы 1823 г.

Об этой поре, скорей всего, говорится в предпоследней строфе романа:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

Весной же 1823 г., т. е. с начала быстрой и интенсивной работы над первыми главами, основные образы романа в своих ведущих особенностях определились настолько, что о них нельзя уже было сказать: «в смутном сне явились впервые мне».

Принимая во внимание поразительно быстрое написание трех глав романа, можно с уверенностью сказать, что длительные раздумья над общим замыслом, над основными образами имели место. Относя рождение замысла «Онегина» к 1820 г. (а эта дата подсказана самим автором), мы тем самым подготавливаем объяснение реалистической зрелости первых трех глав, написанных в течение нескольких месяцев, но выношенных автором в течение нескольких лет.

Предлагаемая поправка к хронологии романа существенно дополняет и уточняет сложившееся представление о хронологических и географических рамках творческой истории первого в русской литературе реалистического романа и позволяет более уверенно изучать обстоятельства жизни поэта, в которых зарождался его гениальный замысел.

Творческая история романа (включая подготовительный период и время окончательной отработки текста к полному из-

данию) охватывает не 8 лет, как принято считать, а 13 лет (1820—1833 гг.). При этом колыбельный период «Онегина», период рождения и становления первоначального замысла (общий замысел, как известно, претерпел существенные изменения в процессе работы, падает на 1820 г. (Крым) — 1823 г. (Кишинев). Напряженная работа над осуществлением замысла развернулась в течение 8 лет (1823—1831 гг. — Кишинев, Одесса, Михайловское, Москва, Петербург, Москва, Болдино, Петербург, Царское село). Работа над ним (прочистка текста, подбор эпиграфа к роману и т. п.) не прекращалась вплоть до первого полного издания (1833 г.). В многолетней творческой истории романа отразилась и вся сложная идейно-творческая эволюция поэта и те сдвиги и изменения, которые произошли в русской действительности.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	19 сверху	обуславливалась	обусловливалась
41	10 снизу	выяснены	выяснено
74	15—16 снизу	образцовые. Эпиграммы	образцовые эпиграммы
83	18 сверху	пресмыкательстве	пресмыкательства
104	9 снизу (в сноске)	бездельницы	безделицы
114	20 снизу	Вся согнувшаяся дугой	Вся согнувшись дугой
159	10 сверху	только бы в генералы	только бы довелось в генералы

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ I

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

ВЫПУСК I

НОВГОРОД
1 9 5 6